
Дракон
у порога
Лоесс Моррен

Лоес Моррен
Дракон у порога

https://litres.ru/74741668
SelfPub; 2026

Аннотация

За тридцать золотых я согласилась вывезти раненого графа из-под носа королевского дозора. На эти деньги я могла выкупить свою корчму «Медное яблоко». Оставалось довезти Эдмунда Хоторна до его поместья и вернуться домой. Самое трудное, как выяснилось, было уехать от него.

Дома меня ждали солдаты, а к ночи я уже сидела в столичной темнице. Я прикидывала, кому передать ключи от корчмы, когда за окном ударили крылья. Дракон вырвал решётку из стены, подхватил меня так осторожно, что ни один коготь не задел кожи, и посмотрел на меня знакомыми серыми глазами.

Теперь корона требует ответа за пожар, в котором погибли люди. Эдмунд знает, с чего начался тот огонь, и годами боялся рассказать об этом хоть кому-нибудь. А мне предстоит найти свидетелей, пока за них не заговорили люди короля. И всё-таки один вопрос я хочу задать графу наедине. Когда он прилетел за мной, он ведь уже знал, что я увижу, кто он. Почему же рискнул?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 20
Глава 3 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Лоес Моррен
Дракон у порога

Глава 1

Первую кружку сидра в тот день я продала человеку, который зашёл спросить дорогу. Пока я объясняла, где свернуть к мельнице, он выпил её и заказал вторую, уже без всякого интереса к мельнице. К полудню мне пришлось выставить за дверь скамью, потому что в «Медном яблоке» кончились места, а люди продолжали идти.

У очага Мэри Пайк переворачивала колбаски длинной вилкой, которой, по её словам, ещё её бабка отгоняла женихов. Жир шипел, под потолком стоял запах печёного лука, и мой желудок при каждом заходе на кухню подавал голос. Завтрак я так и оставила на подоконнике рядом с мешочком мелочи, из которого по субботам платила работницам.

— Мэри, когда будет горячее для возчиков? — Я собрала под платок рыжие кудри, но прядь тотчас щекотнула меня у самого носа. — Они грозятся съесть мою хлебную доску, а она у меня одна такого размера.

— Когда колбаски прожарятся, тогда и будет. — Мэри подцепила вилкой одну, надрезала и показала мне розовую серединку. — Могу дать им луку на закуску, пускай поплачут, пока ждут.

Лук я понесла сама, вместе с корзиной хлеба, зажатой под локтем. У длинного стола я поставила корзину прежде, чем возчик с раздвоенной бородой успел потянуться к ней через

мою грудь. Он поджал пальцы и выбрал горбушку, а я прикинула, что из трёх заказов сперва отдам похлёбку мельнику, потому что у его внука уже дрожала от голода ложка.

— Элси, две кружки к окну, Нелл, три под лестницу. — Я надавила ладонью на кран новой бочки, пока из него не пошёл сидр, густой и мутный, как и полагалось позднему яблоку. — У окна платят сейчас, а под лестницей обещали расплатиться за всё сразу, так что сперва узнайте, лежит ли у них на столе хоть одна монета.

Каждый раз, когда девушки выходили из-за стойки с полными кружками, мужики охали, будто дождались чуда после долгой засухи. Нелл ещё смеялась с ними, а Элси давно научилась ждать, пока они замолчат и освободят ей место. Я улыбалась, подставляя очередную кружку под кран, и чувствовала, как тёплое дерево стойки липнет к локтям.

В понедельник торговый дом ждал очередной взнос по закладной. Ещё несколько вечеров с такой выручкой, и я могла бы отнести его сама, не дожидаясь человека в чистых перчатках, который любил пересчитывать мои деньги у всех на виду. В первый год после покупки корчмы он поинтересовался, куда я переберусь, если заведение придётся продать, и теперь при каждой встрече я усаживала его под протекающий угол потолка.

Элси вернулась с деньгами, выложила их на стойку и одним пальцем отодвинула потемневший медяк. Я приняла бы его с остальными, но у этого была подточена кромка. Элси

ещё по дороге заметила, как один из возчиков старательно прикрыл его большим пальцем, когда собирал плату со всех сидевших за столом.

— Дай я сегодня сведу выручку, Виктория. — Она постучала костяшкой по счётной книге и показала ряд свежих отметок на грифельной дощечке. — К закрытию ты опять забудешь, сколько кружек мы записали под лестницу, и будешь спрашивать, пока я застёгиваю сапоги.

— Сколько записали, я помню. — Я забрала книгу и сунула её под стойку, хотя открывать её мне пока всё равно было некогда. — А за монету спасибо, отнеси ему обратно и спроси, согласится ли он взять такую в следующий раз, когда повезёт для меня муку.

Элси подняла медяк двумя пальцами и покрутила его у меня перед носом, чтобы я увидела, насколько он тонок. Я знала этот её взгляд ещё с той зимы, когда мы вдвоём подставляли вёдра под течь, а я уверяла, что могу одновременно держать стремянку, лезть по ней и заколачивать дыру. Она тогда молча забрала у меня молоток, а теперь вернулась в зал за хорошей монетой.

Я уже нагнулась за чистой посудой, когда дверь открылась и вошёл пастух в войлочной куртке, с приставшими к подолу овечьими колючками. Судя по тому, как он промахнулся мимо крючка для шапки, кто-то успел угостить его раньше меня, но говорил он разборчиво и сразу отсчитал деньги на стол. Первую кружку он выпил в три глотка и крикнул, что-

бы подали ещё одну. Я велела Нелл наполнить кружку, а сама пошла за водой к очагу, где Мэри наконец сняла первую сковороду с огня.

С кухни я видела Нелл в просвете между двумя спинками стульев. Она наклонилась поставить сидр, а пастух, даже головы к ней не повернув, протянул руку и сжал ей ягодицу. Кружка стукнула о стол, и Нелл резко выпрямилась, прижав пустой поднос к животу.

— Полно тебе, — сказал он, когда она отступила. Он оглянулся на соседей, ожидая, что те подхватят шутку. Один из мужиков опустил свою кружку, так и не отпив.

Метла стояла у кухонной двери, и я взяла её раньше, чем успела придумать, что сказать. По дороге к столу я задела черенком лавку, зато люди увидели, куда я иду, и убрали ноги с прохода. Пастух расплылся в улыбке, пока я не поддела соломой его сапог.

— Вставай и за дверь. — Я дождалась, пока он оторвёт руку от кружки, и подтолкнула метлой второй сапог. — Шапка у тебя на лавке, можешь забрать, если управишься с ней, не цепляясь за лавки.

— Да вы поглядите на неё, я ведь только пошутил. — Он приподнялся, рассчитывая, видимо, что сверху ему будет сподручнее со мной спорить, и тут же получил соломой по голени. — Эй, я же заплатил за сидр!

Он ухватился за стол, и я просунула метлу между лавкой и его ногами, чтобы он шагнул в проход. Потом отворила дверь

и гнала его через весь зал, шлёпая метлой по пяткам, если он вздумывал обернуться. На пороге он едва не наступил на собственную шапку, которую успел подхватить и выронить по дороге.

Сначала хлопнул кто-то один, потом захлопали и у окна, и под лестницей. Возчик с раздвоенной бородой высунулся следом за пастухом и крикнул: «Изучи правила хозяйки, батрак!» Я закрыла дверь у него перед носом и попросила его придержать язык, если ему ещё хочется поесть горячего.

За стойкой Нелл тёрла большим пальцем край подноса, на котором давно облупилась краска. У неё горели щёки, и было видно, сколько сил она тратит на то, чтобы держать подбородок прямо. Я прислонила метлу к стене и подошла с той стороны, откуда ей было видно меня заранее.

— Хочешь посидеть у Мэри на кухне? — Я взяла со стойки мокрую тряпку и стала вытирать разлитый сидр, чтобы не стоять над ней с пустыми руками. — Можешь пойти домой, если хочется, а если тебе нужен зал, скажи, с какого стола начнёшь.

— С его стола, — ответила Нелл после паузы. Она подняла поднос и взглянула поверх моей руки на мокрое пятно. — Он успел выпить первую кружку, так пусть я хотя бы сама заберу деньги за неё, — добавила она уже громче.

Я отступила к крану и посмотрела, как она пошла к столу, где сидел пастух. Его медяки лежали возле деревянной солонки, подальше от лужицы, оставшейся после второй круж-

ки. Нелл собрала их, отнесла недопитый сидр на кухню и, вернувшись, сказала мельнику, что похлёбку для внука уже разливают.

Элси сняла со столба дощечку с правилами, на которую теперь указывали сразу трое. Она попросила возчика одолжить гвоздь из ящика с упряжью и прибила дощечку к стене у двери на уровне глаз. Край задирался, и я придержала его, пока Элси забивала гвоздь тяжёлой ручкой ножа.

— Тут первое правило почти стёрлось, — сказала она, проведя ногтем по буквам. Я помнила, как выводила их зимой остатками краски, которой красили ставни, и как под конец у меня начало сводить пальцы. — Утром обведу, а пока придётся людям немного напрячь глаза.

Нелл прочла правило вслух мальчику мельника, когда тот подошёл поглядеть, что мы прибиваем. Оно велело держать руки при себе, и мальчик деловито убрал обе в карманы, пока она несла ему похлёбку. Потом он долго вылавливал ложкой картошку, а его дед, уже успевший снять шапку и пристроить её на колено, безо всякого окрика освободил Нелл проход.

Мэри поставила на раздачу колбаски, и запах горячего вернул разговоры к столам. Я наконец съела свой утренний хлеб, обмакнув его в подливу прямо над сковородой, пока повариха делала вид, что ищет соль. К вечеру от полуденного шума остался только звон посуды, и, когда Нелл в очередной раз вышла в зал с кружками, ей молча подвинули лавку,

чтобы она могла пройти с подносом.

Последним в тот вечер ушёл мельник. Пока он наматывал на внука шарф, я нашла у печи маленькую варежку, вывернула её и вытряхнула три картофельные корки. Мальчик принял варежку с таким огорчением, что я дала ему в дорогу целую картофелину, ещё тёплую, и велела не класть её в ту же руку, где дед будет держать его за пальцы.

Когда дверь закрылась, стало слышно, как в очаге оседает зола. Элси собрала со столов кружки, Мэри сосчитала оставшиеся пирожки, а Нелл принесла мне деньги за сидр и положила их отдельно от остальных. Я сдвинула медяки в общую кучку и открыла книгу на чистой странице.

— Под лестницей было семь кружек, — сказала Элси, выжимая тряпку над ведром. Она повесила её на перекладину у печи и застегнула первый сапог. — Семь, Виктория, и последнюю они выпили после того, как ты унесла дощечку со стойки.

Я зачеркнула шестёрку и вписала семёрку, стараясь не царапать пером бумагу. Элси увидела это через моё плечо и улыбнулась, но тут же нагнулась за вторым сапогом, чтобы дать мне сохранить достоинство. Я спросила, как зовут человека, который пытался подсунуть ей обточенную монету, и записала его имя на обороте заказа на муку.

Нелл развязала передник и обнаружила, что сидр промочил завязку насквозь. Она поднесла её к носу, поморщилась и бросила передник в корзину у лестницы. Я сняла с крючка

свой запасной, с широкой тесёмкой, и сказала ей взять его завтра, пока её собственный сохнет.

— А если он завтра придёт? — Нелл смотрела, как я складываю передник пополам, и всё держала руки над стойкой, словно ей предстояло принять ещё один поднос. — У него овцы на выгоне за мельницей, я его там видела и до сегодняшнего дня.

— Сюда он больше не сядет. — Я положила свёрток перед ней и подвинула поближе, пока она наконец не взяла его. — Если повстречаешь его на дороге и тебе будет неприятно идти мимо, зайди за Элси или за мной, дойдём вместе.

Мэри завернула три пирожка в полотенце, раздала по одному нам с Нелл и Элси, а себе прихватила горбушку. Потом я отпустила девушек и подождала у двери, пока их фонарь не миновал лужу у поворота. У забора уже поблёскивал иней, и я поёжилась, представив, сколько дров уйдёт до первой настоящей стужи.

В книге сошлись и кружки, и колбаски, и даже ломоть сыра, который я никак не могла пристроить ни к одному заказу, пока не вспомнила о человеке, забросившем мельницу ради сидра. Я отсчитала деньги на жалованье, муку и свечи, затем перевязала оставшееся старой синей лентой, чтобы прибавить к деньгам на взнос. Всё вместе я убрала в сундук под стойкой, заперла его и дёрнула крышку дважды, как делала каждый вечер.

Во дворе Том проверял щеколду на конюшенной двери.

Ночевал он в пристройке к амбару, возле стойл, и всякий раз уверял, что собственная койка даёт ему больше покоя, чем любая постель под крышей корчмы. В тот вечер он попросил оставить ему лампу поярче, потому что наша кобыла опять натёрла холку и он хотел ещё раз взглянуть на неё перед сном.

Пока Том подставлял ладонь под огонёк своей лампы, я вспомнила, как прошлой весной сама затянула кобыле подпругу поверх сбившегося в складку войлока. Том тогда молча распряг её и дал мне пощупать мокрую складку, чтобы я поняла, отчего она шарахнулась от моей руки. С тех пор упряжь перед выездом я оставляла ему, даже когда он возился дольше, чем мне хотелось.

Я дала ему полную маслёнку, забрала с крыльца опустевший кувшин и поднялась к себе. В моей спальне в непогоду тянуло от окна, зато стены были сухие, и в ногах на кровати лежало шерстяное одеяло, купленное с первой прибыли. Я переоделась в любимую пижаму, у которой низ был из полосатой фланели, а верх из старой синей простыни, и сунула ноги под одеяло, даже не расплетя волосы до конца.

Только я погасила свет, как под окном заржал конь. Следом застучали копыта, сперва о землю, потом о плоский камень прямо перед крыльцом. Я вылезла из постели и снова зажгла лампу, прикидывая, в какую сторону отправлю человека, которому понадобилось выпить посреди ночи.

На нижней ступеньке я замерла и прислушалась. За две-

рью кто-то дышал тяжело и часто, и деревянные перила крыльца поскрипывали, когда о них тёрлись. Я накинула на плечи Мэрину рабочую шаль, забытую на крючке, и приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы высунуть лампу.

У крыльца стоял чёрный жеребец, такой высокий, что огонь в моей руке освещал ему грудь, а морда оставалась в темноте. На шее у него блестели капли пота, грива была тщательно вычесана, и даже кольца на уздечке оказались начищены до блеска. Вся сбруя стоила, вероятно, больше нашей кобылы вместе с повозкой, хотя конь сейчас стоял неровно и дрожал от усталости.

В седле лежал мужчина, согнувшись так низко, что щекой почти касался гривы. Камзол на нём был чёрный, с узкими манжетами, а волосы показались мне белыми, пока я не подняла лампу выше и не увидела, что они серебристые по всей длине. По лицу я дала бы ему лет двадцать восемь, хотя в ту минуту цветом он мало отличался от полотна, на котором я обычно сушила кружки.

— Эй, вы меня слышите? — Я поставила лампу на перила и осторожно толкнула его в сапог, опасаясь, что он свалится, если резко очнётся. — Если приехали за ночлегом, придётся хотя бы сказать мне об этом, а то я даже не знаю, за какую сторону вас держать.

Сапог чуть качнулся, и больше ничего не произошло. Из-под шеи коня свисала рука всадника, всё ещё продетая в петлю поводьев, и, когда я попробовала высвободить её, паль-

цы у него были совсем холодные. Я поднесла лампу к самому лицу и увидела, как у губ дрогнул серебряный волосок от слабого выдоха.

Одной мне было его не снять, а жеребец при каждом движении моей руки косил глазом и переступал передними ногами. Я оставила дверь открытой, забрала лампу и пробежала через зал к заднему выходу, а оттуда к амбару. Земля под ногами успела промёрзнуть, и только у амбарной стены я вспомнила, что спустилась босиком.

— Том, открой, дело срочное. — Я постучала ладонью по ставне у его койки, потому что до двери нужно было обходить штабель поленьев. — У крыльца конь с человеком в седле, а человек, похоже, едва дышит.

— Ну как же, ночь ведь самое время по людям ездить. — Внутри скрипнула койка, потом Том выругался, ударившись локтем о стену. — Держите свет у двери, хозяйка, я свой второй сапог с вечера куда-то затолкал.

Он вышел в одном сапоге, увидел мои босые ноги, и выудил из-за поленницы пару старых деревянных башмаков. Я сунула в них ноги, пока он натягивал свой второй сапог, оказавшийся под перевёрнутым ведром. К крыльцу мы подошли с двух сторон, и Том, увидев жеребца, сразу понизил голос.

— Он ещё держится рукой за повод? — Том погладил коня по плечу и постоял, пока тот перестал вскидывать голову. — Я возьму человека под спину, а вы сперва выньте его ногу из стремени, потом снимите петлю, чтобы мы не дёрнули

коня за рот.

Каблук застрял, и мне пришлось приподнять всаднику колено, прежде чем сапог вышел. Том принял мужчину на руки, легко, с одним коротким выдохом, а я сняла повод с его запястья и накинула на перила. Потом я взялась за ноги незнакомца, ожидая ощутить вес взрослого мужчины, и от неожиданности подняла их выше, чем нужно.

— У него в карманах хоть деньги есть? — Том остановился в дверях, пока я поправляла съехавшую с плеча шаль. — Я прошлой зимой мешок репы на эту лестницу тащил, и с ним возни было больше.

До моей комнаты мы добрались быстро. Том опустил всадника на кровать и подождал, пока я подложу ему под голову свёрнутую простыню. В свете лампы на чёрном камзоле у плеча проступило влажное пятно, и я вспомнила, что жеребец остался у крыльца привязанным к ненадёжным перилам.

— Поставь его в дальнее стойло, расседлай и дай воды, только пусть сперва немного отдышится. — Я сняла с незнакомца один сапог и поймала второй, когда тот соскользнул с края постели. — Потом положи ему сена и прикрой ворота, а если понадобится помощь, крикни мне со двора.

Том задержался у двери ровно настолько, чтобы спросить, стоит ли ему сбегать за лекарем. До ближайшего было два часа хорошим шагом, и я попросила сначала дать мне посмотреть, что с раненым, пока ещё можно отправить Тома

верхом на отдохнувшей кобыле. Когда он ушёл, я принесла таз с умывальника, придвинула лампу и взялась за верхнюю пуговицу камзола.

Пуговицы оказались мелкими, обтянутыми той же тканью, что и камзол, и первая никак не хотела проходить сквозь петлю. Я придержала ворот, чтобы ткань не тянула плечо, и расстегнула вторую. Когда потянулась за третьей, незнакомец накрыл моё запястье ладонью.

Он открыл глаза, и я увидела, что они серые, с тёмным ободком вокруг зрачков. Несколько мгновений он смотрел мне в лицо, словно пытался запомнить его раньше, чем снова погаснет свет. Потом его взгляд метнулся к окну, хотя в стекле отражались только лампа и моя синяя пижама.

— Они близко. — Он едва шевельнул губами, и мне пришлось наклониться почти к самому его лицу. — Помоги мне.

Рука соскользнула с моего запястья, прежде чем я успела спросить, кто близко и откуда ему известно, что они ещё едут следом. Я опустила его ладонь на простыню и прислушалась. Внизу под лестницей скреблась мышь, где-то в стене потрескивало дерево, а за окном стояла такая тишина, что на дворе, наверное, было слышно, как я дышу.

Камзол я сперва стянула со здорового плеча, потом вывернула рукав и сняла его с раненой руки. Рубаха под ним оказалась разорвана чуть ниже ключицы, и я распорола шов кухонными ножницами, которые держала в ящике для починки одежды. Наконечника нигде не было, а в ткани вокруг

прорехи застрял короткий обломок чёрного оперения.

Такую рану я уже видела у возчика, которого весной подстрелили на лесной дороге. У того кожа вокруг прокола потемнела сразу, а у незнакомца край раны светлел, будто его присыпали мукой. Я коснулась здоровой кожи рядом и отдёрнула руку, как от горячей ручки сковороды, хотя пальцы у него всё ещё были ледяные.

В кувшине оставалась чистая вода, принесённая к вечеру из колодца. Я промыла рану над тазом, пока с ткани не перестало стекать красное, и прижала к плечу чистое полотно. Он вздрогнул, но глаза больше не открыл, только повёл головой по подушке, и волосы рассыпались по ней, высвободив прядь, прилипшую к щеке.

— Вот это и есть моя помощь, если ты ещё меня слышишь. — Я говорила вполголоса, пока держала полотно, а сама следила за дверью, словно он мог ответить оттуда. — Если тебе нужна другая, хорошо бы проснуться и объяснить, пока я тут сама чего-нибудь за тебя не решила.

Кровь медленно проступала на ткани, потом пятно перестало расти. Я закрепила полотно полосой старой, много раз стиранной простыни, проведя её наискось через грудь, и завязала концы у здорового бока. Под здоровую руку подложила край одеяла, а над раной оставила только простыню, потому что даже сквозь повязку чувствовалось исходившее оттуда тепло.

Я подошла к окну и подняла лампу чуть выше. За вы-

веской «Медного яблока» дорога огибала каменный столб и уходила вниз к мельнице, и в ясный день отсюда можно было увидеть каждую лужу на спуске. Ночью виднелся один столб, зато ни света от фонарей, ни звона упряжи за ним пока не было.

Незнакомец дышал ровнее, и под повязкой оставалось сухо. По пути вниз я спрятала его камзол на дно корзины для стирки, под мокрый передник Нелл, затем вернулась с полной кружкой воды и поставила её рядом с постелью. Дверь в спальню оставила приоткрытой на ладонь, чтобы услышать, если он окликнет меня или уронит кружку.

В гостевой комнате, через стену от моей, пахло мылом и соломой, которой набили матрас. Я легла поверх покрывала, всё ещё в Мэриной шали, и обнаружила, что у меня дрожат ноги. Пока нужно было тащить, мыть и перевязывать, я думала только о том, что предстоит сделать дальше, а теперь я снова слышала те два коротких слова, которыми он попросил меня о помощи.

Во дворе тихо щёлкнула щеколда, и я приподнялась на локте. Том заговорил с жеребцом вполголоса, как всегда говорил с лошадьми, которым предстояло переступить через незнакомый порог, и подковы одна за другой стукнули по доскам дальнего стойла. Я досчитала до четырёх, положила голову обратно на подушку и стала прислушиваться к дороге.

Глава 2

Под утро я всё-таки уснула, и во сне Том вёл по лестнице жеребца, потому что тот, видите ли, оплатил комнату. Проснулась я от стука ставни и несколько мгновений лежала поверх чужого покрывала, пытаясь вспомнить, зачем уступила собственную постель. Потом увидела деревянные башмаки у двери и пошла проверить, жив ли мой гость.

Кружка на тумбочке осталась полной, а простыня сползла с левого плеча. На повязке проступило пятно величиной с орех, но дальше кровь не пошла, и я принесла из умывальника воду и чистую ткань. Он даже не пошевелился, когда я развязала узел у здорового бока, хотя ночью вздрагивал от каждого прикосновения.

Я прижала тыльную сторону ладони к его лбу и обнаружила, что лоб прохладный. Рядом с раной по-прежнему держалось тепло, однако теперь я могла оставить там пальцы, не отдёргивая их, и белая полоска вдоль прокола стала тоньше. Я затянула новую повязку, накрыла его до подбородка и на этот раз прикрыла дверь так, чтобы её не распахнуло сквозняком.

Том во дворе колол щепу, держа под мышкой охапку сухих поленьев. Услышав мои шаги, он бросил поленья в ящик и посмотрел на окно спальни. В свете утра вчерашняя затея с двумя парами обуви и раненым на лестнице, кажется, за-

бавляла его меньше, чем ночью.

— Жив, — сказала я, пока он не успел спросить. Я взяла из ящика две щепки и сунула их в карман передника, чтобы растопить печь на кухне. — Пока мы не узнаем, кто он и от кого удирал, давай это останется между нами.

— Я и сам не побегу рассказывать, что у нас жеребец за сотню золотых стоит за забором, который можно перешагнуть. — Том отёр ладонь о штаны и показал свежую царапину на запястье. — Седло ещё ночью снял, а утром принёс обратно, чтобы протереть подпругу, и он чуть не отхватил мне руку, когда я потянулся за ним.

Оказалось, чёрный терпеливо позволил вытереть себе бока и подобрал всё сено, даже то, что провалилось под кормушку. Стоило Тому поднять седло, конь прижимал уши и перегораживал ему выход грудью. Том дождался, пока тот отвлечётся на овёс, вынес седло через боковую дверь и убрал в пустой закром под мешковиной.

— Хорошо придумал, — сказала я, заметив, как он украдкой потёр запястье. Вчера он подставил под незнакомца руки, даже не спросив, за чьи деньги мы потом будем мыть лестницу. — У меня ещё есть чистое полотно, давай перевяжу, пока девушки не пришли и не велели мне сперва заняться собственным лицом.

Перед тем как вернуться в зал, я заглянула в дальнее стойло. При моём появлении жеребец поднял голову, и между прутьями на мгновение показался его влажный чёрный нос.

Я задвинула наружную створку, оставив открытой верхнюю половину двери во двор, и велела Тому вывести нашу кобылу к передней изгороди, где она обычно проводила утро.

К приходу Мэри я успела умыться, разжечь огонь и нарезать яблоки для первой сковороды. Элси принесла хлеб, Нелл пришла в моём запасном переднике и сказала, что он так хорошо держится на талии, что возвращать его она намерена только по решению суда. Я пообещала сама явиться с иском, если она продолжит затягивать тесёмки так крепко, что их опять придётся пришивать.

Нелл отперла дверь и впустила двух каменщиков, которые попросили горячего сидра, даже не сняв с плеч сумки. Я оставила яблоки на огне и подняла голову, когда наверху что-то скрипнуло. Пока я гадала, могла ли доска у моей кровати отозваться на шаг, сковорода задымилась, а Мэри выдернула её из-под моей руки и выставила на камень у очага.

— Если тебе нужно наверх, так сходи, — сказала она, соскребая горелые яблоки деревянной лопаткой. В зале Элси уже объясняла каменщикам, что есть у нас можно и без ножа за поясом, если они согласятся его снять. — Только принеси мне тогда с верхней полки мёд, раз уж твои мысли всё равно там.

Я принесла мёд и заодно заглянула в спальню, где человек лежал точно так же, как я его оставила. Доска у кровати скрипела даже тогда, когда я наступала на неё у самого порога, и я решила, что до полудня постараюсь смотреть под

ноги, а не в потолок. До полудня оставалось совсем немного, когда на дороге раздался топот, слишком частый для двух-трёх лошадей и слишком ровный для стада.

Сначала я увидела в окне крайнего всадника, который придержал коня у каменного столба, чтобы пропустить остальных во двор. За ним один за другим промелькнули ещё восемь, а затем у крыльца остановился пожилой мужчина в промокшем плаще, с такими белыми усами, что на них почти не различался иней. Он перекинул ногу через седло, снял перчатки и вошёл, даже не взглянув на дощечку у двери.

Двое солдат остались у ступеней, остальные ждали на лошадях, и от пара над конскими боками дальняя изгородь казалась размытой. Нелл как раз несла кружку, но успела отступить и пропустить старика, который направился прямиком к стойке. Он подождал, пока она поставит сидр, и только тогда заговорил, так что слышно было даже у очага.

— Сэр Уолтер Бриггс, капитан королевского дозора. — Он развернул на стойке сложенный вчетверо лист и придержал пальцем шнурок с красной восковой печатью. — Ищу беглеца с северного тракта и буду признателен всякому, кто припомнит вчерашнего чужака.

Первым откликнулся каменщик у окна, сказав, что видел соседа, когда тот одолжил ему молоток, и ещё раз, когда сосед пришёл требовать молоток обратно. Остальные тоже припомнили только знакомых, а мельник, зашедший

узнать, не находили ли у нас вторую варежку, положил на стол первую в подтверждение своих слов. Бриггс выслушал всех до конца, затем сложил руки на стойке и посмотрел на меня.

— Вы хозяйка, судя по тому, что остальные глядят на вас, когда им хочется ответить за всех. — Он указал на лист, и я прочла приметы человека без имени, будто речь шла о вещи, которую потеряли в дороге. — С вечера к вам никто не заезжал верхом на чёрном жеребце?

— С вечера я имела дело со своими завсегдатаями, а они по большей части добираются сюда на своих двоих. — Я вспомнила, как босиком бежала через двор, и прижала ступни к полу, чтобы не переминаться. — Один всё собирается купить коня, только сперва ему надо расплатиться со мной за прошлую субботу.

У каменщиков тихо фыркнули, но капитан не улыбнулся. Он перевернул лист, загладил угол, который всё время норовил подняться, и задал следующий вопрос, так и не взглянув на бумагу. Ему нужен был человек с повреждённым левым плечом, и он хотел знать, не просили ли у меня чистой ткани или воды для промывки раны.

— Воду у меня просят каждый день, а чистой тряпкой я делюсь, когда человек хотя бы скажет, что с ним стряслось. — Я убрала со стойки нож, которым резала хлеб, и сунула лезвие в деревянную колоду. — Кто это у вас сбежал, сэр Уолтер, раз вы знаете даже, куда ему досталось?

— Если окажется у вашей двери, держитесь от него подальше. — Бриггс оглянулся на солдата у порога, когда тот поправил ремень арбалета, и на мгновение у него дёрнулся угол рта. — Даже если покажется, что ему нужна помощь, сперва пошлите кого-нибудь за мной.

Он опять повернулся ко мне и спросил, куда ведёт дорога за мельницей. Я сказала, что дальше можно пройти к переправе, если не срезать по нижнему берегу, где в это время года увязнет даже лёгкая лошадь. Снаружи один из солдат подъехал к открытым воротам, и я приготовилась услышать приказ заглянуть в амбар.

— Бумага о розыске у вас есть, — сказала я, не отводя глаз от всадника у ворот. Капитан поднял лист, словно собирался дать мне прочитать и оборот, хотя на обороте не было ни строчки. — Если вашему человеку хочется посмотреть мои стойла, пусть сперва покажет бумагу, по которой ему туда можно.

Бриггс взглянул через плечо и двумя пальцами подозвал солдата обратно. Ордер на обыск он доставать не стал, а лист сложил и убрал во внутренний карман плаща. У двери он ещё раз спросил, сколько ехать до переправы, и поблагодарил меня за дорогу так спокойно, что я смогла разжать руку, стиснувшую край стойки.

Мы дождались, пока последний конь минует столб. Каменщик поднял кружку, сделал глоток и наконец сказал соседу, что молоток тот ему так и не вернул. Я попросила Элси

присмотреть за залом и пошла наверх, потому что от капитана впервые услышала вслух то, чего боялась с ночи. Кто-то знал, куда угодила стрела, и хотел первым добраться до человека, который мог об этом рассказать.

Дверь в спальню была закрыта, как я её оставила, зато на пороге слышалось, как кто-то двигает кружку по дереву. Я вошла и застала раненого сидящим у изголовья, с простынёй на коленях и пальцами на ручке кружки. Он пытался поднять её левой рукой и так сосредоточился, что заметил меня, только когда я подставила ладонь под дно.

— Правой, если собираетесь пить, — сказала я, переставляя кружку ему в другую руку. От резкого движения он поморщился, но всё же напился и отдал мне воду, прежде чем я успела за неё потянуться. — А если собираетесь разбить мою посуду, можете выбирать руку сами.

— Эдмунд Хоторн, — сказал он, переводя дух. Я уже собралась ответить, что у кружки, в отличие от него, фамилии нет, когда он добавил, с той же ровной учтивостью: «Граф Хоторн». Потом посмотрел на стену, отделявшую спальню от лестницы, и поблагодарил меня за то, что я не выдала его капитану.

Оказывается, Бриггса он узнал по голосу, хотя расслышал всего несколько слов. Я подвинула стул так, чтобы сидеть между Эдмундом и дверью, и положила на колени руку, которой ночью держала повязку. Он проследил за движением и заметил на моём запястье полоску от жёсткого края рукава.

— Виктория Брукс, — представилась я и опустила рукав на запястье. Граф произнёс моё имя тихо, словно хотел запомнить, и у меня вдруг возникло нелепое желание услышать, как он повторит его ещё раз. — Кто вас подстрелил, Эдмунд, и зачем капитану понадобилось объявлять вас беглецом?

— Вероятно, я задолжал налоги. — Он произнёс это с таким серьёзным лицом, что я на миг представила сборщика с бумагами за пазухой и арбалетом на коленях. — Признаться, я давно не проверял свои счета.

— Покажите мне сборщика, который выписывает недоимку наконечником стрелы. — Я достала из кармана обломок чёрного оперения, найденный ночью в рубахе, и положила на край тумбочки. — У нас за закладной приезжают без оружия, хотя одному человеку я уже три года даю достаточно поводов прихватить с собой хотя бы дубинку.

Эдмунд долго смотрел на оперение. Потом он потянулся к нему правой рукой и остановился на полпути, когда пальцы задрожали от усилия. Я придвинула обломок ближе и заметила, что у основания перо было перетянуто тонкой серой нитью.

— Это связано с делом королевского арсенала. — Он взял перо и покатал между пальцами, глядя, как нить ловит свет. — Если Бриггс вернётся, ему понадобится всё, что было при мне, а после сегодняшнего он может прихватить с собой ордер.

— Тогда, пока он на переправе, вам следует рассказать мне, в чём дело. — Я взяла кружку и обнаружила, что всё ещё сжимаю ручку обеими руками. — Если он вернётся с бумагой, мне придётся решать, что сказать ему уже при моих работницах.

Эдмунд спросил, успел ли Том убрать его коня, и по моему лицу понял, что выбрал неудачную минуту для вопросов. Он извинился и сказал, что в арсенале ищут то, что он увёз с собой, а подробности позволят угрожать и мне, если меня станут допрашивать. По его голосу я услышала, сколько усилий ему стоило говорить спокойно, но его привычка решать за меня уже начинала раздражать.

— За доставку в Рейвенхолл я заплачу вам тридцать золотых. — Он откинулся на подушку, прежде чем назвать расстояние, и мне стало ясно, что он уже пробовал встать с постели. — Это моё поместье к северу отсюда, в двух днях пути на повозке, если дорога сухая.

Тридцать золотых составляли весь остаток по закладной за «Медное яблоко». Я знала эту цифру так хорошо, что могла бы написать её в темноте, не выпуская из другой руки ведра. Сейчас же я видела Мэри у очага, Нелл в моём переднике и Тома, который уже отдал за эту историю кусок кожи с собственного запястья.

— Мне нужно подумать, — ответила я, поднимаясь со стула. Он кивнул и положил перо на тумбочку, где ему предстояло лежать рядом с моей кружкой и гребнем. — Если за-

хотите снова проверить, держат ли вас ноги, сперва позовите меня, а то я и так до полудня сожгла достаточно яблок.

Внизу Элси сводила на дощечке утренние заказы и спорила с Мэри, сколько мяса оставить на завтра. Я подождала, пока Мэри унесёт кастрюлю, потом попросила Элси выйти со мной в кладовую. Она сняла со стойки ключ, хотя я его не просила, и притворила за нами дверь ногой.

— Сколько дней ты сможешь вести зал, если меня не будет неделю? — Я взяла с полки мешочек с сушёной мятой и положила его обратно, потому что руки сами искали занятие. — И прежде чем ответишь, вспомни про понедельник, про муку и про то, что люди Бриггса могут вернуться.

Элси ничего не сказала, пока я не убрала руку с мешочка. Потом спросила, как зовут человека, из-за которого я всё утро прислушивалась к потолку. Я назвала имя Эдмунда, рассказала, когда он приехал, и объяснила, что сама ещё не знаю, за что его разыскивают.

— Мэри возьмёт хлеб и горячее, если сможет сама заказывать продукты, а я сяду за книгу, — сказала Элси, выслушав и про рану, и про тридцать золотых. Она протянула руку ладонью вверх, словно я уже держала ключи над ней. — Если поставщик привезёт сырую муку, я отправлю его домой и сама найду другую, даже если твой любимый мельник на меня за это обидится.

Я хотела объяснить, что именно говорить мельнику, чтобы он доставил сухую муку и при этом сохранил о себе хоро-

шее мнение. Элси выдержала паузу с таким терпением, что я вспомнила обточенный медяк, который вчера собиралась принять, и достала ключ от сундука. Он был тёплый после целого утра у меня в кармане, и я ещё секунду держала его за бородку, пока Элси не сомкнула пальцы вокруг кольца.

— Решай с поставщиками сама. — Я показала ей, где в книге лежит расписка о последнем взносе, и попросила отложить понедельничный платёж до моего возвращения только в том случае, если торговый дом согласится дать отсрочку письменно. — Если Бриггс приедет с ордером, пусть покажет его при всех, а Том и Нелл держатся рядом с тобой.

Элси вышла посоветоваться с Мэри и вернулась с расчётом на неделю. Они собирались подавать меньше горячих блюд и печь хлеб двумя партиями, чтобы к вечеру не тратить дрова на лишний жар в печи. Я предложила оставить им на всякий случай список дел, но Мэри с порога спросила, не записать ли мне в таком случае и дорогу к собственному крыльцу, чтобы я после возвращения не промахнулась мимо двери.

По дороге к лестнице я поймала Тома и попросила отнести графу чистую рубаху, из тех, что он держал у нас для воскресений. Когда я поднялась с бумагой и карандашом, Эдмунд уже надел её и стоял босиком у кровати. Рубаха оказалась ему коротка в рукавах, и, пока он застёгивал манжету одной рукой, я успела увидеть, как белеют у него губы. Он сел прежде, чем мне пришлось подхватывать его, а я поло-

жила лист на одеяло.

— Повезу вас я, в моей повозке и по моей дороге. — Я расправила лист у него на коленях и положила карандаш со здоровой стороны. — Платите в Рейвенхолле, а о любой опасности предупреждаете сразу, даже если вам кажется, что мне лучше ничего не знать.

— Тридцать золотых по прибытии, — повторил он и записал сумму, прижав угол листа к одеялу локтем. Он разборчиво вывел своё имя, а затем добавил, что у мельничной переправы нас теперь могут проверять, зато к северу есть старый просёлок, которым чаще пользуются местные обозы. — Если я увижу что-нибудь ещё, о чём вам следует знать, скажу, и вы сами решите, куда ехать.

Я попросила его показать просёлок на обороте листа. Пока он чертил развилку, я объяснила, что запрягу нашу кобылу, а жеребец пойдёт на привязи за повозкой, где его хотя бы не будет видно издалека за высоким бортом. Граф поднял глаза, когда я сказала, что выезжаем ночью, и я поняла, что он впервые за разговор поверил, что я действительно собираюсь его везти.

Он сложил лист по сгибу и протянул мне, прикрыв пальцем ещё влажный след от ладони. Я убрала его в карман передника и спросила, что ещё нужно взять с собой, кроме еды, воды и чистого полотна. Эдмунд назвал седло раньше, чем я договорила, и на вопрос, что ему в повозке делать с седлом, ответил, что на севере оно понадобится.

К вечеру я выкатила повозку из-под навеса и прошла вдоль бортов, проверяя, держатся ли кольца для верёвок. На дно мы с Томом положили старый тюфяк, а перед ним пристроили бочонок сидра, чтобы с дороги было видно, что именно мы везём. Сверху я набросала шкуры, которыми прежде накрывала груз с яблоками, и оставила вдоль борта щель, куда можно было просунуть ладонь.

— Вам бы ещё фонарь подвесить под передний борт, а то выбоину на старом просёлке увидите, только когда она вам половину груза вытряхнет. — Том протянул ремень под брюхом кобылы и затянул его ровно настолько, чтобы под кожей проходили два пальца. — Хотите, я поеду до развилки, а обратно пешком доберусь до рассвета?

— Хочу, чтобы к рассвету ты был здесь, если Элси понадобится помощь. — Я взяла у него фонарь и сама проверила, хорошо ли закрывается заслонка, за которой горел фитиль. — До развилки я доеду, а ты утром, пожалуйста, погляди на запор у дальнего стойла, он после ночи заедает.

Том наклонился за верёвкой, чтобы я не увидела, как он улыбнулся. Потом он вывел чёрного из стойла и дал ему обнюхать повозку, пока кобыла, успевшая привыкнуть к соседу за перегородкой, только покосилась через плечо. Мы оставили жеребцу достаточно повода, чтобы он шёл свободно и не бился грудью о задний борт, если я придержу кобылу на спуске.

Когда погас свет в соседних домах, Том поднялся за Эд-

мундом. Я встретила их у подножия лестницы и отворила заднюю дверь, придерживая лампу так, чтобы были видны ступени крыльца. Граф успел дойти до повозки сам и хотел перебраться через борт и даже взялся за него здоровой рукой, но Том подхватил его под колени с той же лёгкостью, с какой вчера снимал с коня.

— Прошу вас, только не говорите, что я ничего не вешу. — Эдмунд лёг на бок и переждал, пока Том расправит у него под плечом сложенное одеяло. — Мне уже пришлось выслушать, что я не умею держать кружку.

— Кружку хозяйка свою бережёт, ваше сиятельство. — Том подвернул край шкуры, чтобы тот не ложился на лицо графа, и нащупал в темноте верёвку для груза. — А вы пока поберегите плечо, потому что на полпути я за вами из повозки уже не полезу.

Том ушёл в закром и вернулся, прижав седло к груди так, чтобы стремена не стучали. Я приняла его у борта и увидела на тёмной коже ряд крылатых драконов, выведенных тонкими линиями, в которых ещё поблёскивала краска. У самой пряжки был ещё один, почти стёртый, и пришлось повернуть фонарь, чтобы различить кончик крыла.

— Положите его сюда, пожалуйста. — Из-под шкур появилась рука Эдмунда и указала на место между его коленями и бочонком. — Только подпругу уберите под него, а то пряжка будет биться о дерево всю дорогу, и вы первая захотите её выкинуть.

Я уложила седло по его просьбе, хотя сбоку оставалось куда больше места. Стоило ему дотронуться до кожи, как рука исчезла под шкурой, а из-за повозки тихо фыркнул жеребец. Я подумала, что из всех вещей в мире оба они могли бы выбрать для своих забот что-нибудь попроще седла, которое приходится прятать от собственного коня.

Элси вышла на крыльцо с двумя ломтями хлеба, завёрнутыми в бумагу, и с карандашом за ухом. Она прижала свёрток к борту, записала на нём, где у северного перевозчика оставляют письма, и велела спрашивать свёртки для хозяйки «Медного яблока», даже если мне скажут, что на моё имя ничего нет. Потом сунула мне хлеб за пазуху и поправила ворот моего плаща так, как я сама поправляла передник Нелл перед выходом в зал.

Под шкурами зашелестело, и я просунула ладонь в щель у борта. Эдмунд сразу нащупал мои пальцы, пожал их один раз и отпустил, прежде чем я успела наклониться и спросить, всё ли у него в порядке. Так и не задав вопроса, я поправила край шкуры и убрала руку.

Я взобралась на козлы, взяла возжи и подождала, пока Том распахнёт ворота. На повороте к каменному столбу я оглянулась и увидела, как Элси прикрыла ладонью лампу, чтобы свет не упал на соседние окна. Дальше я смотрела на дорогу, а когда пришлось выбирать между спуском к мельнице и заросшим просёлком, кобыла повернула на север от одного лёгкого движения моей руки.

Глава 3

Фонарь под передним бортом освещал ровно столько дороги, сколько кобыла успевала пройти за два шага. Поначалу мне этого хватало, но дальше просёлок свернул между двумя канавами, и я то и дело придерживала возжи, гадая, где колея, а где её тень. Всякий раз за повозкой сердито фыркал чёрный жеребец, которому, судя по всему, в темноте было видно куда лучше, чем мне.

Когда начало светать, в поле показались стога, а над ними — плоская крыша старой дорожной будки. Я достала из-за пазухи хлеб и разгладила обёртку с адресом, который Элси написала у меня на глазах. Северный перевозчик принимал письма у кузницы за Белым бродом, и до этой кузницы, по словам Эдмунда, оставалось ещё полтора дня.

— Поедим, когда минуем будку. — Я положила хлеб рядом с собой и оглянулась на неподвижный ворох шкур. — Если вы там опять заснули, граф, то сейчас самое время проснуться, потому что на дороге впереди что-то горит.

Из-под шкур показались глаза, а потом Эдмунд приподнялся на локте ровно настолько, чтобы увидеть огонёк. С другой стороны будки кто-то вышел и положил поперёк дороги жердь. Эдмунд лёг обратно сам, здоровой рукой подоткнул под себя край шкуры, и я успела услышать, как он выдохнул, когда повозку качнуло на последней выбоине.

Дозорных оказалось двое, один в сапогах с сухой грязью до колен, другой в башмаках, обвязанных от холода тряпками. Тот, что в сапогах, пошёл вдоль борта и потрогал пальцем верёвку, которой мы с Томом притянули шкуры. Кобыла обернулась на шорох, а жеребец у неё за спиной вытянул шею так, что я увидела его ухо поверх груза.

— Везу сидр из «Медного яблока», — сказала я, пока дозорный не добрался до заднего борта. Я сняла фонарь с крюка и приподняла его, чтобы он мог разглядеть выжженное на бочонке яблоко. — У меня есть счёт из корчмы, если вам нужно записать, чей товар прошёл и сколько его было.

— Мне нужно посмотреть под шкурами. — Он взялся за узел, но пальцы у него так замёрзли, что верёвка только скользнула по рукавице. — Если помогать не хотите, я её перережу, у нас с утра ещё три обоза по дороге.

— Режьте, если распишетесь за сорванную обвязку и за груз, если он подмокнет. — Я вынула лист с корчемным счётом, на котором Элси перед отъездом записала бочонок, а рядом поставила своё имя. — Вот здесь хватит места, и свидетеля звать не придётся, ваш товарищ всё видит.

Товарищ посмотрел на протянутую бумагу и сообщил, что ему смену принимать через час и за чужой сидр из своего кармана он отвечать не собирается. Пока они выясняли, велено ли им осматривать все телеги или только те, на которых везут людей, я держала лист так, чтобы его край чуть задевал рукав дозорного. Тот наконец спросил, чей у меня конь, и я

ответила, что на севере его ждёт хозяин, который согласился доплатить за доставку, лишь бы жеребца лишний раз не седлали.

Жердь подняли, когда из-за поворота показалась первая настоящая обозная телега. Я тронулась с места и проехала до орешника, прежде чем ослабить верёвку на ближнем углу. Эдмунд выбрался из-под шкур, весь в испарине, и вытер лицо рукавом так резко, словно и с рукавом успел поссориться.

— Я слышал, как он взялся за нож. — Граф протянул руку к хлебу, но кусок раскрошился у него в пальцах, и он оставил его на борту. — Было бы хоть немного легче, если бы я мог сам что-нибудь сделать, пока вы там спорили за мою голову и свой бочонок.

— Вот и сделайте. — Я остановила кобылу и повернулась к нему, оставив возжи у себя на коленях. — Скажите, где следующий пост, пока мы ещё можем выбрать, с какой стороны его объехать.

Он посмотрел поверх моего плеча туда, где дорога снова выходила на открытое место. У старой известковой печи, сказал он, есть ещё один пост, а до него можно уйти вправо, за каменоломню, и вернуться на тракт уже по другую сторону. Я подала ему целый ломоть хлеба и подождала, пока он добавит, что на объездном спуске после дождя лучше держаться ближе к скале.

К каменоломне мы добрались после полудня, когда солнце уже успело размягчить верхний слой грязи. На спуске я

держала кобылу у скалы, как велел Эдмунд, и слышала, как камешки из-под копыт уходят в заросшую ежевикой канаву. Когда впереди показалась сухая ложбина, я решила, что самое скверное место мы проехали, и тут повозка подо мной толкнулась разом вниз и вбок.

Кобыла дёрнулась, сзади натянулся повод жеребца, и бочонок в кузове ударился о доску. Я упёрлась пятками в подножку, придержала возжи и увидела, что левое колесо идёт наискось. Ещё немного, и оно ушло бы в канаву вместе с половиной нашего груза.

— Сидите на месте, я посмотрю. — Я спрыгнула, подсунула под колесо камень и только тогда решилась наклониться к оси. — Если бочонок опять поедет, подставьте ему одеяло, он у меня сегодня уже достаточно раз спасал положение.

Чека сломалась у самого края отверстия, и короткий обломок всё ещё торчал из оси. Я пошарила в грязи, нашла длинную половину и, к собственной досаде, попробовала приложить её обратно, как будто железо могло срастись от одного моего желания. Из кузова донёсся скрип, и, подняв голову, я увидела, что Эдмунд уже спустил ноги с борта.

— Если вздумаете поднимать повозку на плече, предупреждаю, одного пациента мне вполне достаточно. — Я пододвинула к оси второй камень, но он ушёл в мягкую землю прежде, чем я успела проверить, держит ли. — У меня есть запасная чека, вот только сперва надо вернуть колесо туда, где оно было.

— Видите брус у каменной стенки? — Он показал на тёмный обломок балки, оставшийся, должно быть, от старой телеги каменотёсов, и осторожно спустился на землю. — Подложите под него плоский камень ближе к оси, и на дальний конец можно будет нажать ногой, пока руками поставите колесо.

Мне захотелось спросить, часто ли в графских поместьях учат чинить телеги на склоне, но Эдмунд уже пошёл к кобыле, опустив больную руку вдоль тела. Она косила глазом на канаву и перебирала ногами, натягивая постромки, а он остановился у её головы и заговорил так тихо, что я различала только интонацию. Когда кобыла повернула к нему ухо, он взял её под уздцы правой рукой и остался стоять, не пытаясь удержать её силой.

Я вытащила брус из-под веток и устроила под ним опору из двух плоских камней. В ящике под козлами, где Том хранил моток проволоки и запасные ремни, нашлась завёрнутая в промасленную тряпку чека. Я выбила обломок бородкой старого гвоздя, положила новую чеку на выступ скалы и нажала на брус, чтобы проверить, сколько он выдержит.

— Скажите ей что-нибудь ещё, она вас слушает. — Я перенесла вес на дальний конец балки, дождалась, пока ось приподнимется, и взялась за обод. — А если вздумает шагнуть, предупредите меня прежде, чем я оставлю под колесом два пальца.

Эдмунд принялся рассказывать кобыле, что она самая

терпеливая из всех женщин, с которыми он сегодня имел дело. Кобыла перестала тянуть повод, зато я едва удержалась от смеха, отчего колесо снова ушло набок. Со второй попытки обод сел ровно, я продела чеку до упора и только потом позволила себе спрыгнуть с балки.

— У меня к вам претензия по поводу терпения. — Я вытерла руки о тряпку и забрала у него повод, чувствуя, как мелко дрожат его пальцы. — Я терпела даже тогда, когда вы лезли через борт, а она бы вас за это укусила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.